СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА 21.08.2020 | Ян-Вернер Мюллер

История о нелиберальных левых

Споры об идентичности ведутся не с тем, чтобы заткнуть рот критикам, а чтобы требовать соблюдения основоположных прав

Данная статья также доступна на немецком / английском языке

Если верить некоторым американским комментаторам, а также некоторым сообщениям в европейской прессе, то в США сегодня в разгаре революция нетерпимости. Нет, речь не об окончательном развороте поклонников Трампа в сторону авторитаризма, а о левом движении, которое якобы налагает запреты на публичные выступления по всей стране, сводит политику идентичности к оценке людей по цвету кожи или происхождению и жестко настаивает на чистках по идеологическим соображениям в культуре, средствах массовой информации и высшем образовании.

Такая картина вводит в заблуждение сразу по двум причинам: хотя в сети все еще можно найти парочку сочных шуток о выходках левых антирасистов, практика «канселинга», или «культуры исключения» (Cancel Culture), якобы захлестнувшая Интернет и осуществляемая с неопротестантским рвением, все же остается маргинальным явлением. В то же время критика того, что в этой стране до сих пор привычно называли политикой идентичности, основана на недоразумении: речь идет не о превращении людей в заложников определенных представлений об идентичности, а о требованиях соблюдения основных прав.

Либеральные обозреватели в самом широком смысле этого слова видят в США угрозу открытому обществу, причем, похоже, как слева, так и справа: Трамп и его сторонники – скверная штука, но и нетерпимость левых на территории университетских кампусов не менее ужасное явление – такие или подобные мнения то и дело звучат из их уст. Чем объясняется эта «принудительная симметризация» (Юрген Хабермас)? Она позволяет журналистам, профессорам и политикам автоматически преподносить себя в качестве «рационального центра», выступающего против обоих мнимых проявлений экстремизма и по сути застрахованного от

любых ошибок даже при отсутствии реальных по своему содержанию политических программ, не говоря об идеалах. Это своего рода тривиальная философская версия третьего пути.

Де-факто она приводит к ложному отождествлению: либеральная демократия в США действительно под угрозой, однако вряд ли по вине людей, например, из моего ближайшего университетского окружения, не желающих больше приукрашивать расизм бывшего президента Вудро Вильсона (в прошлом еще и ректора Принстонского университета). Напротив, она исходит от правящего американского президента, которого, как долго считали и сами либералы, смогут остановить прошедшие проверку временем американские институции, основанные на системе сдержек и противовесов. Ведь это же не Турция или Венгрия. Но многие из этих институций, в частности Министерство юстиции, оказались очень сговорчивыми по отношению к Трампу.

Либеральная демократия в США действительно под угрозой, однако вряд ли по вине тех, кто не желает больше приукрашивать расизм бывшего президента Вудро Вильсона

Это не означает, что нет примеров выдвижения поспешных обвинений в расизме или нетерпимости активистов, не желающих даже выслушать аргументы другой стороны, но, надо сказать, это единичные случаи. Заострение внимания на том, что в стране, насчитывающей около 4,5 тыс. университетов и колледжей, самыми популярными дисциплинами по-прежнему остаются «бизнес» и «медицина», которые, скорее всего, вряд ли преподаются какими-то нетолерантными «левыми», нельзя считать проявлением дешевого «антиинтеллектуализма» (по принципу «философия мало кого интересует»).

К тому же в США регулярно вспыхивают дискуссии о закате Старого Света: нынешняя полемика, определяющая якобы будущую судьбу свободного общества, уже имела место в конце 1980-х – начале 1990-х годов, после того как правые взяли на вооружение понятие политической корректности для защиты образовательных канонов белого человека. Да и в 1950-е годы, которые никак не назовешь временем расцвета прогрессистского мышления, консерваторы в США постоянно жаловались на доминирующее положение в университетах левых радикалов. Тогда, как и сегодня, можно сделать де-факто один и тот же вывод: правые по сути нуждаются в позитивной дискриминации или позитивных мерах выравнивания (affirmative action).

Как и в других странах, вряд ли можно привести убедительные эмпирические доказательства в пользу того, что в США теперь меньше свободы слова, чем в прежние времена: напротив, благодаря социальным сетям, в том числе и часто проклинаемому «Твиттеру», можно услышать голоса значительно большего количества людей, чем когда-либо (но, по понятным причинам, и тон разговоров иногда намного жестче по сравнению с эпохой, когда определенные элиты, соблюдая известную степень дружелюбия, могли общаться в своем замкнутом кругу). Изменилось вот что: сегодня часто встречается сопротивление там, где раньше либо никто не отваживался даже пошевелиться, либо попросту не имел возможности озвучить свое мнение так, чтобы оно было воспринято широкой общественностью.

Многие их тех, кто сетует на свой мнимый «канселинг» (травлю в сетях), сами де-факто требуют заткнуть рот своим критикам (как, например, автор научно-популярных книг и неутомимый борец за «свободу слова» Нил Фергюсон, пригрозивший писателю Панкаю Мишре судебным иском из-за критики в своей адрес). Декларирующие себя либералами участники дискуссии утверждают, что, как и в любом дискуссионном клубе, речь прежде всего идет о заслушивании аргументов всех сторон. В принципе, возразить здесь нечего, вот только иногда речь и о том, у кого есть доступ к такому клубу и от кого все отворачиваются, как только он раскрывает рот. Тот, кто вообще не желает говорить о власти, в большинстве случаев сам является ее твердым обладателем.

Как и в других странах, вряд ли можно привести убедительные эмпирические доказательства в пользу того, что в США теперь меньше свободы слова, чем в прежние времена

А как же обстоит дело с многократно раскритикованной политикой идентичности, которая, собственно говоря, якобы всегда отвлекает от такой важной темы, как политика перераспределения? Растущая поддержка движения Black Lives Matter (BLM) показала, что речь всегда шла не о якобы непонятных для непосвященных тончайших ответвлениях идентичности, а о выдвижении требований соблюдения основоположных прав. Каждый может посмотреть в своем смартфоне видео, наглядно демонстрирующее ситуацию, в которой человек не только подвергается жестокому насилию со стороны государственной власти, но это сопровождается еще и ухмылкой – мол, я знаю, мне, полицейскому, ничего не будет.

Чтобы понять определенные формы несправедливости, необходимо для начала заострить внимание на специфике жизненных историй и нынешних ситуаций, что, собственно, является довольно тривиальным выводом. Но именно столь банальная истина отрицается активистами движения против политики идентичности. Чтобы доказать свою либеральность, по их мнению, нужно тотчас же апеллировать к якобы всеобщему и обязательному. Все же политика в первом лице является если не конечной точкой дискуссии о несправедливости, то ее непременным началом. Или же, как высказался однажды философ Томас Маккарти, жертвам нужно предоставлять слово первым, но это не означает, что им не принадлежит и последнее слово.

Представление о том, что вся эта возня вокруг идентичности лишь уводит внимание от действительно суровых материальных вызовов, в политическом отношении наивно. В случае с движением BLM или #MeToo речь идет не о нескончаемой групповой терапии, а о правильном распределении основоположных прав, например, права не быть застреленным полицией или не стать объектом домогательств со стороны влиятельных мужчин. При этом движения, требовавшие материальной справедливости, всегда приводили и к возникновению культурной идентичности либо пытались понять особую ситуацию человека труда. Одним словом, политика идентичности versus политики интересов – ложное противопоставление. Чем быстрее удастся преодолеть его и сосредоточиться на жизненно важных идеалах и конкретных политических представлениях, тем лучше.



Ян-Вернер Мюллер
Принстон

Ян-Вернер Мюллер (Jan-Werner Müller) - профессор политологии, директор-учредитель Проекта по истории политической мысли в Принстонском университете (США).